

Максим Орлов

Яркий
свет
пустоши

Максим Орлов

Яркий свет пустоши

<https://litres.ru/74617713>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцать лет небо было ржавым. Земля не помнила зелени. Выжившие прятались в бункерах, отстреливаясь от мертвецов и молясь, чтобы туман не пришёл снова.

Когда из пустошей поднимаются тени прошлого — призраки, принимающие облик погибших близких, — Наталья, хранительница общины «Новая заря», понимает: оборона бессмысленна. Источник зла — на севере, в легендарном бункере «Ковчег-3». И она идёт туда.

С карабином за плечами, иконой на груди и узелком семян кедра в кармане. В спутники ей дают Игоря — следопыта, разучившегося верить.

Впереди — Кладбище машин, Призрачный вокзал, Чёрный Каркас, где людей превращают в рабов, и Мёртвая тайга.

Но главная битва ждёт Наталью не на полях сражений, а в сердце того, кто тридцать лет не может отпустить своих мёртвых. И оружием ей станет не пуля — а прощение.

Роман о том, что даже в самом мёртвом мире есть семена. И весна всегда приходит — если есть те, кто не перестаёт её ждать.

Содержание

Пролог. Яркий свет пустоши	4
Глава 1. Пронзая ржавое небо	7
Глава 2. Шепот из пепла	15
Глава 3. Приказ Уцелевших	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Яркий свет пустоши

Пролог. Яркий свет пустоши

Небо над разрушенной страной исходило серой ржавчиной, когда сквозь глухую гарь бесконечной ядерной зимы пробился первый за тридцать лет настоящий, пронзительно-золотой луч солнца, озаривший зловещий каркас нового мира.

Наталья стояла на обломках высотной бетонной башни, возвышавшейся над погребённым под многометровым слоем пепла городом, и ветер, пахнувший железом и озоном, трепал полы её тяжёлого защитного плаща.

Она медленно стянула с лица громоздкую маску респиратора, чтобы вдохнуть этот изменившийся, возрождающийся воздух, и в её огромных, глубоких, как предвоенные лесные озёра, глазах отразилось ослепительное сияние проснувшегося неба.

В этом мёртвом мире суровых радиоактивных пустошей, где выжившие давно забыли простую человеческую радость, главную угрозу теперь представляли не только токсичные осадки, но и бесконечное нашествие монстров.

Из подземных разломов и затопленных лабораторий на поверхность хлынули орды полуживых мертвецов и ужасающих зомби, ведомых лишь слепым голодом, прочёсывающих

руины в поисках плоти.

Самым опасным испытанием для уцелевшего человечества стали загадочные тени прошлого — материализовавшиеся в зонах аномалий призраки ушедшей эпохи, которые визуализировали старые страхи, грехи и воспоминания погибших людей, сводя с ума целые поселения.

Вокруг неё, внизу, расстилалась бескрайняя и пугающая пустыня новой эпохи, где среди руин былых цивилизаций рыскали банды мародёров и мутировавшие хищники.

Однако, Наталья не боялась этой жестокой реальности, потому что внутри неё билось сердце, сотканное из чистой лирической силы и несгибаемой стальной воли.

Пока мужчины воевали за ржавые ресурсы и остатки военных технологий, пытаясь выстроить новый оборонительный каркас вокруг подземных бункеров, она бережно собирала по крупицам жизнь: прятала в нагрудных карманах горсти чудом уцелевших семян сибирского кедра, выхаживала раненых детей в полуразрушенных поселениях и пела старые, почти забытые песни, которые звучали как звенящий ручей среди мёртвых скал.

Её яркая, лучистая улыбка, расцветавшая на исхудавшем лице вопреки окружающему кошмару, действовала на отчаявшихся людей сильнее любого оружия, возвращая им веру в то, что человечество ещё способно подняться со дна катастрофы.

Когда к стенам их лагеря подступало очередное наше-

ствие зомби, а из темноты тянулись ледяные руки теней прошлого, шептавшие мёртвыми голосами близких, именно Наталья выходила вперёд, сжимая в одной руке штурмовой карабин, а в другой — древнюю икону, становясь живым щитом между наступающим хаосом и последними искрами жизни.

Вспыхнувшее солнце окрасило далёкие силуэты мёртвых заводов в багровые и пурпурные тона, превращая постапокалиптический пейзаж в грандиозный, величественный холст, на фоне которого хрупкая фигура женщины казалась настоящим оплотом надежды.

Наталья сделала шаг вперёд к краю платформы, зная, что впереди её ждёт долгий, полный смертельных опасностей путь через заражённые земли к далёким выжившим общинам, но её шаг был лёгок, словно степной ветер, а душа была готова принять и новую бурю, и грядущую тишину.

Она была той самой непостижимой силой, которая взрастит новую весну в этом выжженном саду человечества, и вся её фигура, озарённая ярким рассветом новой эры, воплощала собой гимн вечной жизни, непокорённой русской красоте и всепобеждающей любви, способной выстоять против любых чудовищ и призраков прошлого.

Глава 1. Пронзая ржавое небо

Наталья ещё стояла на краю бетонной платформы, когда первый луч солнца, пробившийся сквозь серую ржавчину неба, коснулся её лица, и она почувствовала, как тепло, которого не было тридцать лет, обжигает кожу, словно первое прикосновение живой воды.

Она зажмурилась, и на мгновение ей показалось, что она снова маленькая девочка, которая бежит босиком по росистой траве, и мать зовёт её с крыльца, и воздух пахнет не озоном и гарью, а скошенной травой и тёплым хлебом.

Это ощущение длилось лишь мгновение — снизу, из-за бетонных стен «Новой зари», донёсся звук, от которого у неё перехватило дыхание: протяжный, металлический скрежет, за которым последовал второй, третий, десятый, и soon весь горизонт наполнился этим звуком, словно сама земля начала стонать.

Она распахнула глаза и посмотрела вниз, и сердце её сжалось до болезненной судороги. Со стороны старого ржавого карьера, оттуда, где тридцать лет назад был посёлок, а теперь остались лишь радиоактивные развалины, на общину надвигалась орда. Это были не просто мертвецы — это была волна, живая, пульсирующая, состоящая из сотен, может быть, тысяч тел, которые двигались с неестественной, механической согласованностью, словно ими управлял единый разум.

Их кожа была серой, покрытой струпьями и язвами, глаза провалились, а рты оскалены в вечном, беззвучном крике, и они бежали — не шли, а именно бежали, перепрыгивая через ржавые остовы машин, через кучи мусора, через всё, что вставало на их пути, и земля дрожала под их ногами.

Наталья не стала тратить время на страх — она уже давно разучилась бояться, потому что страх был роскошью, которую в этом мире не могли себе позволить даже дети. Она одним движением стянула с плеча штурмовой карабин, проверила магазин — полный, тридцать патронов, — и бросилась к лестнице, которая вела вниз, к общине. Лестница была узкой, крутой, с выбитыми ступенями, но она спускалась по ней так быстро, словно за её плечами были не тридцать лет войны, а тридцать лет тренировок, и ветер, пахнувший железом и озоном, бил ей в лицо, и она слышала, как внизу уже поднимаются крики тревоги, как звучат гонг и рожок, созывающие бойцов на стены.

Когда она выбежала на нижний уровень, община уже была на ногах. Мужчины — кто в старых военных куртках, кто в самодельных доспехах из ржавого железа, кто просто в ватниках и телогрейках — занимали позиции на бетонных стенах, которые когда-то были стенами советского завода, а теперь стали последним оплотом жизни. Женщины и дети прятались в подземных укрытиях, но те, кто постарше, кто помнил ещё довоенные времена, стояли рядом с мужчинами, сжимая в руках старые охотничьи ружья, самодельные

пики, даже просто тяжёлые железные прутья, потому что в этом мире каждый, кто мог держать оружие, должен был его держать.

Старый одноглазый Пётр, командир обороны, стоял на стене, глядя в сторону карьера, и его единственное око, серое, как пепел, было холодным и спокойным, потому что он видел такие вещи, что молодому поколению даже в страшном сне не приснятся. Он повернулся к Наталье, и в его взгляде она прочитала всё: и то, что орда огромна, и то, что сил у них мало, и то, что сегодня многие не доживут до заката.

— С запада идут, — коротко бросил он, и его голос, хриплый от бесконечных сигарет и радиоактивной пыли, прозвучал так, что бойцы, стоявшие рядом, выпрямились. — Тысячи, может, больше. Не остановятся, пока не дойдут до стен.

Наталья кивнула и заняла позицию на стене, рядом с молодым бойцом Мишкой, который держал в руках старый автомат и дрожал — не от страха, а от напряжения, потому что он был ещё слишком молод, чтобы привыкнуть к мысли, что сегодня может умереть. Она положила руку ему на плечо, и он посмотрел на неё, и в её глазах, глубоких, как лесные озёра, он увидел не страх, а спокойную, негибаемую уверенность, и его дрожь постепенно утихла.

— Держись, Мишка, — тихо сказала она, и голос её прозвучал так, что он почувствовал, как к нему возвращаются силы. — Мы отобьём их. Мы всегда отбиваем.

Орда приближалась. Теперь они были уже в пятистах метрах, и Наталья видела их лица — оскаленные, мёртвые, с провалившимися глазами, и их руки, скрюченные, с чёрными, как уголь, ногтями, тянулись к стенам общины, словно они чувствовали запах живой плоти и не могли ему противостоять. Земля дрожала под их ногами, и воздух наполнился их хриплым, беззвучным воем, от которого у Натальи зашевелились волосы на затылке.

— Огонь! — крикнул Пётр, и стены «Новой зари» ожили.

Выстрелы грянули одновременно, и воздух разорвался грохотом, от которого заложило уши. Наталья нажала на курок, и карабин дёрнулся в её руках, и она увидела, как первый ряд мертвецов, получивший пули, начал падать, но за ним шли другие, перешагивая через тела павших, и их было так много, что казалось — они никогда не кончатся. Она стреляла точно, методично, каждый выстрел — один мертвец, и она не позволяла себе думать о том, что патронов мало, что орда огромна, что они не смогут отбиться, если не произойдёт чуда.

Но чуда не произошло. Мертвецы дошли до стен, и начался ближний бой.

Они лезли на стены, цепляясь за бетон руками, которые давно должны были отгнить, но которые двигались с неестественной силой, и бойцы отбивались прикладами, ножами, кулаками, и воздух наполнился криками, рёвом, звуками разрываемой плоти. Наталья стреляла в упор, и когда патро-

ны кончились, она выхватила нож и начала рубить тех, кто лез на стену, и её лицо, ещё минуту назад спокойное, теперь было искажено яростью, и в её глазах горел огонь, который не мог погасить даже этот кошмар.

Мишка стоял рядом с ней, и он стрелял, и он рубил, и он кричал, и в его глазах была та самая ярость, которая бывает только у тех, кто слишком молод, чтобы бояться смерти. Но вот один из мертвецов, огромный, с обрывками военной формы, прыгнул на стену, и Мишка не успел повернуться, и когти мертвеца впились ему в бок, и он закричал — не от боли, а от ужаса, потому что он понял, что сейчас умрёт, и он был слишком молод, чтобы умирать.

Наталья обернулась, и она увидела, как Мишка падает, и как над ним склоняется мертвец, и она не подумала — она просто бросилась вперёд, и её нож вошёл в шею мертвеца, и он упал, и она подхватила Мишку, и потащила его к лестнице, и крикнула Петру:

— Держи стену! Я его в лазарет!

Пётр кивнул, и его единственное око было холодным, как сталь, и он повернулся к бойцам, и его голос, хриплый, но твёрдый, прозвучал так, что они выпрямились:

— За «Новую зарю»! За наших!

И они бросились вперёд, и началась резня, и Наталья тащила Мишку по лестнице, и её руки были в крови — не её крови, а его, и она шептала ему:

— Держись, Мишка, держись, ты не умрёшь, я не позволю

тебе умереть.

Она дотащила его до лазарета, и старые женщины уже были там, с бинтами и йодом, и они взяли Мишку у неё, и Наталья опустилась на колени, и её руки дрожали, и она чувствовала, как по её лицу текут слёзы — не от слабости, а от ярости, от бессилия, от того, что она не смогла защитить его, что она не успела.

Но она знала, что не может позволить себе роскошь слёз. Она поднялась, вытерла лицо, и посмотрела на свои руки, покрытые кровью, и она поняла, что бой ещё не окончен, что там, на стенах, её люди сражаются за свою жизнь, и она должна быть с ними.

Она схватила карабин, проверила магазин — полный, кто-то перезарядил его, пока она тащила Мишку, — и бросилась обратно, к лестнице, и когда она выбежала на стену, она увидела, что бой идёт к концу. Мертвецы, те, что ещё остались, начали отступать, и Пётр стоял на стене, и его лицо было покрыто кровью — не его кровью, а их, — и он смотрел на Наталью, и в его единственном око она увидела усталость, но и победу.

— Отбились, — коротко бросил он, и его голос прозвучал так, что бойцы, стоявшие рядом, начали кричать, и этот крик был не от радости, а от облегчения, от того, что они выжили, что они ещё дышат.

Наталья посмотрела вниз, и она увидела, что земля вокруг стен «Новой зари» покрыта телами мертвецов, и их бы-

ло так много, что казалось — они никогда не кончатся. Но она также увидела тела своих людей — тех, кто не дожил до этого момента, и её сердце сжалось до болезненной судороги, потому что каждый из них был чьим-то сыном, чьим-то братом, чьим-то отцом, и они умерли, чтобы она могла жить.

Она медленно спустилась со стены, и бойцы расступались перед ней, и в их глазах она видела не только усталость, но и благодарность, и она знала, что они будут помнить этот день, и они будут помнить её, и это давало ей силы, чтобы идти дальше.

Она вошла в лазарет, и Мишка лежал на столе, и его лицо было бледным, но он дышал, и старые женщины суежились вокруг него, и одна из них, старая Марья, посмотрела на Наталью и кивнула:

— Выживет. Ты его спасла.

Наталья опустилась рядом с ним на колени, и она положила его голову себе на грудь, и она начала тихо, почти шёпотом, напевать старую колыбельную, ту самую, которую когда-то пела ей сама мать, и её голос, сначала дрожащий и тихий, постепенно набирал силу, и Мишка улыбнулся, и его боль, казалось, отступила, и он уснул — не смертью, а живым, целительным сном.

И в этот момент Наталья почувствовала, что ветер стих, и она подняла голову, и посмотрела в сторону карьера, и увидела, что оттуда, из низин, на общину начинает напоззть туман — серый, густой, пахнувший пылью старых книг и чу-

жими слезами.

Глава 2. Шепот из пепла

Грохот оборвался так внезапно, словно кто-то невидимой рукой перерезал горло самому миру. В наступившей тишине стало слышно, как по ржавым балкам каркаса «Новой зари» стекает вниз остывающая кровь обороны — густая, темная, вперемешку с машинным маслом и радиоактивной пылью, осевшей на бетон за тридцать лет. Наталья опустила раскалённый ствол карабина, чувствуя, как приклад обжигает плечо сквозь тяжёлую ткань плаща, и на мгновение позволила себе закрыть глаза. Вокруг грудami лежали изрешечённые тела мертвецов; скрюченные пальцы их ещё подёргивались в предсмертных судорогах, а из разорванных глоток вырывался тихий, почти детский хрип. Но времени на передышку не было — из-за бетонной стены уже доносились крики раненых, и она, переступая через мёртвые тела, поспешила туда, где под импровизированным навесом из ржавого железа сутились две старые женщины с бинтами и пузырями йода, доставшимися им в наследство ещё от довоенной медицины.

Молодой боец Мишка, которому от силы было лет девятнадцать и который помнил войну лишь по страшным рассказам деда, лежал на столе, держась за распоротый бок. Лицо его, ещё минуту назад искажённое яростью боя, стало совсем детским, беспомощным, и он шептал что-то несвязное про мать, про деревню, которой давно не существовало. На-

Наталя, опустившись рядом с ним на колени, положила его голову себе на грудь, чувствуя, как его горячее дыхание обжигает ей шею, и тихо, почти шёпотом, начала напевать старую колыбельную — ту самую, которую когда-то пела ей сама мать в мирные вечера, когда за окном шумел настоящий, живой дождь, а не этот вечный пепельный снег. Голос её, сначала дрожащий и тихий, постепенно набирал силу, разливался по закоулкам полуразрушенного лазарета, и раненые, стонавшие ещё минуту назад, затихали один за другим, вслушиваясь в эту простую мелодию, в которой было столько тепла, что казалось — сама земля под их ногами начинает оттаивать. Мишка улыбнулся, зажмурился, боль, казалось, отступила от него, уступив место какой-то светлой истоме, и он уснул — не смертью, а живым, целительным сном.

Наталя осторожно переложила его голову на свёрнутый плащ, укрыла собственным шарфом, пахнущим дымом и кедровыми орехами, и уже собралась подняться, когда заметила странную перемену. Ветер, который последние полчаса трепал полы её плаща и гнал в лицо едкую гарь, стих. Это было неестественное, неживое безветрие, какое бывает перед грозой в лесу, когда замирают даже птицы и деревья стоят неподвижно, словно прислушиваясь к чьим-то шагам. В этой мёртвой тишине Наталя почувствовала, как по спине пробежал холодок, от которого зашевелились волосы на затылке. Она медленно поднялась и посмотрела в сторону старого ржавого карьера, за которым начинались радиоактивные пу-

стоши, и увидела, что оттуда, из низин, на общину начинает наползать туман.

Этот туман не был похож на обычную радиоактивную мглу, к которой все уже давно привыкли и которая пахла озоном, гнилью и металлом. Этот был серым, густым, почти осязаемым, и пахнущим чем-то немислимым, давно забытым, от чего у Натальи зашипало в носу и на глаза навернулись слёзы: пылью старых книг, засохшими полевыми цветами, материнским молоком, чужими слезами и тем особенным, ни с чем не сравнимым запахом, который бывает в доме, где только что кто-то умер, но ещё не успели вынести его одежду. Туман полз медленно, нехотя, словно живое существо, которое не спешит, потому что знает — ему никто не сможет противостоять. Когда он коснулся бетонных стен «Новой зари», факелы, горевшие по периметру, начали ча- дить и гаснуть один за другим, словно их задувало не пламя, а само время.

— Закрой лица! — хрипло крикнул командир обороны, старый одноглазый Пётр, прошедший ещё первую войну и видевший такие вещи, что молодым даже в страшном сне не приснятся, но его голос утонул в вате, стал далёким, чужим, и сам он, стоявший ещё секунду назад прямо, вдруг согнулся, словно под невидимой тяжестью сломался позвоночник.

Туман обволакивал общину, проникал в каждую щель, в каждый закоулок, и там, где его касался свет последних факелов, начали проступать силуэты. Сначала это были просто

пятна — серые, бесформенные, — но на глазах они обретали пугающую, до мельчайших деталей выверенную плотность. Вот уже из мглы шагнула женщина в цветастом ситцевом платье, с авоськой в руке, из которой выглядывали бутылки молока и буханка чёрного хлеба; она улыбалась какой-то своей, невидимой улыбке и шла по разбитому бетону так легко, словно под ногами у неё был не пепел, а мягкая летняя трава. За ней шёл мальчик лет семи, гонявший перед собой деревянный обруч, и смех его, звонкий и чистый, раздавался так отчётливо, что у Натальи защемило сердце, — этот смех она слышала тридцать лет назад, в последний мирный день, перед тем как небо стало ржавым. Вот старик в газете сидит на скамейке, которой давно нет, и поправляет очки; вот молодая пара танцует под музыку, которую слышит только она; вот дети играют в казаков-разбойников, и их голоса, полные азарта и беззаботности, наполняют мёртвую общину таким живым, таким невозможным теплом, что бойцы, ещё минуту назад рвавшие зубами глотки мутантам, начали ронять оружие, падать на колени, протягивать руки к фантомам и плакать — тихо, безнадёжно, как плачут только те, кто давно разучился надеяться.

Наталья чувствовала, как холод пробирается под тяжёлый плащ, как он охватывает сердце и сжимает его до болезненной судороги. Она знала, что должна сопротивляться, должна держаться, но мгла уже была вокруг неё, густая, как вода, и в ней пахло её детством, её домом, её погибшей семьёй, и

она уже начала поддаваться этому сладкому, отравленному дурману, когда туман расступился прямо перед ней, и из серой пелены шагнул он.

Ваня. Её младший брат.

Он был таким, каким остался в памяти навсегда, таким, каким она видела его в своих снах все эти тридцать лет: девятнадцатилетним, худым, с чуть сбившейся набок кепкой, в белой рубашке, которая сейчас казалась ослепительно чистой на фоне мёртвого мира. В руках он держал деревянную лошадку, которую отец вырезал для него в день начала бомбёжек, в ту самую ночь, когда они прятались в подвале и слушали, как рушится их город. Ваня улыбался той самой улыбкой, от которой у Натальи всегда замирало сердце, — немного виноватой, немного озорной, — и глаза его, голубые, как летнее небо, которого она уже тридцать лет не видела, смотрели на неё с такой любовью и такой тоской, что она почувствовала, как подкашиваются ноги.

— Натка, — голос Вани прозвучал не в воздухе, а прямо у неё в голове, и был он тёплым, живым, с той самой лёгкой хрипотцой, которая появлялась, когда он простужался, и от этого голоса у неё по щекам потекли слёзы, горячие и солёные, потому что она так долго, так нестерпимо долго не слышала его.

— Натка, ну почему ты не идёшь? Там так холодно, а здесь так хорошо. Дома печка топится, мама пирожки с капустой достала, папа на гармошке играет... иди ко мне, сестрёнка,

иди, я так соскучился, так долго тебя ждал.

Он протянул к ней руку, и эта рука была реальной — она чувствовала исходящий от неё лёгкий морозец, чувствовала запах его одеколона, того самого, дешёвого, который он купил на свои первые заработанные деньги. Ей хотелось броситься к нему, уткнуться лицом в его тёплую рубашку, забыть этот кошмар, забыть запах гари, забыть, что она уже тридцать лет тащит на своих плечах чужие жизни, что она устала, так устала, что иногда ей кажется — ещё немного, и она сломается. Мгла вокруг сгустилась, и в ней она увидела мать, отца, их дом с палисадником, яблоню, которая цвела по весне, и всё это было так реально, так близко, что она уже сделала шаг вперёд, уже протянула руку, чтобы коснуться его пальцев, уже готова была закрыть глаза и уйти в эту сладкую, спасительную иллюзию.

Но в этот момент её грудь коснулась чего-то твёрдого, и это прикосновение, лёгкое, почти незаметное, вернуло её к реальности, как удар хлыста. Она опустила руку к нагрудному карману, и пальцы её нащупали шершавую ткань узелка, внутри которого были семена — жёлудь, зёрна пшеницы, крошечные, твёрдые орешки сибирского кедра, которые она берегла, как зеницу ока, которые были для неё не просто семенами, а обещанием, заветом, святыней. Эти семена были мёртвыми только на вид, но внутри них спала жизнь, будущее, весна, которая должна была прийти, несмотря ни на что, и эта мысль пронзила её, ясная и острая, как осколок

льда.

Мёртвые не чувствуют холода, Ванечка, — подумала она, и эта мысль была такой простой, такой очевидной, что вся иллюзия вокруг начала трещать по швам, как тонкий лёд под ногами. Она открыла глаза, и в её глубоких, как лесные озёра, глазах больше не было растерянности, больше не было слабости — там зажглась сталь, та самая негибкая воля, которая не раз спасала её и тех, кто был рядом с ней.

— Ты не мой брат, — прошептала она, и голос её, тихий в начале, постепенно набирал силу, зазвенел, разрезая густой туман, как колокол. — Мой брат погиб. Он был храбрым, он был добрым, но он мёртв, и он не хотел бы, чтобы я умерла вместе с ним, чтобы я бросила живых ради мёртвых. А ты... ты просто паразит. Ты питаешься нашей болью, ты играешь нашей памятью, ты не достоин носить его лицо.

Тень Вани замерла, и тёплая улыбка начала сползать с её лица, как маска, обнажая под собой что-то чужое, холодное, бездонное. Черты смещались, искажались, глаза проваливались, и вместо них оставались две чёрные пустоты, из которых смотрела на неё не любовь, а голод — древний, ненасытный голод.

— Ты бросишь нас снова, — зашипел призрак уже десятком голосов, и в этих голосах были и мать, и отец, и все погибшие, которых она оплакала за эти тридцать лет, и туман вокруг начал втягиваться в него, как вода в воронку, и земля под ногами Натальи задрожала. — Ты обречена, Наталья.

Все обречены. Ваша борьба бессмысленна, ваша надежда — это ложь. Вы все умрёте, и никто о вас не вспомнит. Иди к нам, пока не поздно, иди, и мы примем тебя.

Наталья выхватила из-за пазухи тяжёлую бронзовую икону, которую носила на груди с самого начала войны. Металл обжигал пальцы, но она сжала его крепко, чувствуя, как от иконы идёт тепло — не физическое, а какое-то внутреннее, духовное, — и это тепло разливалось по её телу, наполняя её силой.

— Пока на этой земле есть хоть одно живое семя, мы не обречены, — твёрдо сказала она, и голос её прозвучал так, что задрожали стены, и бойцы, стоявшие рядом, подняли головы, и в их глазах, ещё минуту назад потухших, зажгся огонёк. — Пока мы помним живых, а не мёртвых, пока мы сажаем деревья, а не хороним себя, пока мы любим, а не оплакиваем — мы живы. И ты, тень, ты не имеешь власти над нами, потому что ты — только память, а мы — будущее.

Она перекрестила воздух перед собой иконкой, и вспышка невидимого, но осязаемого тепла прошла по периметру. Тень брата издала беззвучный, полный отчаяния и ярости вопль и рассыпалась серым пеплом, который тут же развеял вернувшийся ветер. Туман начал отступать — медленно, нехотя, словно хищник, которого прогнали от добычи, — и вместе с ним исчезали все остальные фантомы: женщина с авоськой, мальчик с обручем, старик на скамейке, молодая пара. Всё это таяло, растворялось, оставляя после себя лишь

тяжёлое похмелье горя и запах пыли.

Наталья, тяжело дыша, опустилась на одно колено, чувствуя, как дрожат её руки, как стучит сердце, как по щекам текут слёзы — не от слабости, а от облегчения, от того, что она выстояла, что не сломалась, что осталась верна себе и тем, кто был рядом с ней. Вокруг приходили в себя бойцы, стыдливо вытирая лица, поднимая оружие. И некоторые из них, самые молодые, подошли к ней, молча встали на колени, и один из них — Мишка, тот самый, которого она убаюкивала колыбельной, теперь поднявшийся с носилок на дрожащих ногах, — тихо сказал:

— Спасибо вам, Наталья. Вы нас спасли.

Она посмотрела на него и увидела в его глазах не страх, а веру — ту самую, которую она так бережно хранила в себе и которая теперь начала передаваться другим, как огонь от свечи к свече.

Она медленно поднялась, отряхнула плащ и посмотрела в сторону карьера, откуда пришёл туман. И поняла: это было лишь первое предупреждение. Мгла пришла не просто так. Кто-то или что-то по ту сторону пустошей посылает эти тени, и это не случайная аномалия, а целенаправленный удар. И ей придётся пойти на этот зов, найти источник этого зла и уничтожить его, пока оно не поглотило всех, пока последние искры жизни не погасли в этом выжженном мире.

Она крепко прижала к груди узелок с семенами, и почувствовала, как от них идёт тепло — живое, настоящее, — и

это тепло дало ей силы, чтобы сделать первый шаг навстречу своей судьбе, навстречу долгому, опасному пути, который приведёт её туда, где рождаются тени, и где ей предстоит встретить не только призраков прошлого, но и саму суть этого нового, жестокого мира, чтобы сказать ему: *нет, мы не сдадимся, мы не умрём, мы будем жить, несмотря ни на что

Глава 3. Приказ Уцелевших

Утро после тумана было серым и тяжёлым, как свинцовая плита, нависшая над землёй. Солнце, которое вчера на мгновение прорвалось сквозь ржавчину неба, снова скрылось за пеленой радиоактивных облаков, и «Новая заря» погрузилась в привычные сумерки, пахнущие сырым бетоном и остывающим железом. Где-то в глубине заводского двора упрямо стучал молот по наковальне — это старый Кузьма чинил погнутый клинок, и этот ритмичный звон, такой знакомый и родной, казался единственным напоминанием о том, что жизнь продолжается.

Община, которая ещё вчера знала лишь страх перед мертвецами и мародёрами, теперь столкнулась с чем-то гораздо более страшным — с собой. Люди ходили по двору тихо, словно боясь разбудить что-то, и разговаривали шёпотом, оглядываясь через плечо, будто тени прошлого всё ещё бродили среди них.

Наталья обошла периметр на рассвете. Бойцы, стоявшие на стенах, смотрели на неё иначе, чем раньше: в их взглядах была не только благодарность за вчерашний бой, но и робкая, почти детская надежда, что она снова скажет нужные слова, снова споёт ту песню, и мир вокруг станет чуть менее невыносимым. Она улыбалась им — той самой яркой улыбкой, которая расцветала на её исхудавшем лице вопреки все-

му, — но внутри у неё было пусто. Тень Вани оставила после себя не страх, а какую-то тупую, ноющую рану, которую не могла залечить ни песня, ни молитва.

В лазарете Мишка уже пришёл в себя. Он лежал на узкой койке, бледный, с перебинтованным боком, но глаза его были живыми. Увидев Наталью, он попытался приподняться, однако она мягко уложила его обратно, приложив палец к губам.

— Лежи, — сказала она. — Тебе ещё рано вставать.

— Наталья, — прошептал он, и в его голосе была та самая отчаянная искренность, которая бывает только у очень молодых. — Там... там были мои. Я видел деда. Он звал меня. Я почти пошёл.

Наталья сжала его руку, чувствуя, как тонкие пальцы дрожат в её ладони.

— Ты не пошёл, и это главное.

— А если они вернуться? — в его глазах был такой ужас, что ей захотелось обнять его, как ребёнка, однако она сдержалась, зная, что в этом мире слабость прощается редко.

— Тогда мы снова их прогоним, — тихо произнесла она. — Мы всегда их прогоняем.

Она вышла из лазарета и направилась в заводскую контору, где собирались старейшины. Это было высокое, крытое ржавым железом помещение, в котором когда-то сидели начальники цехов, а теперь за столом из толстых досок заседали те, кому община доверила свою судьбу. Их было пяте-

ро: дед Савва, бывший инженер, который помнил ещё довоенные времена и чьи руки, покрытые старческими пятнами, всё ещё помнили, как чертить сложные схемы; отец Василий, священник, сохранивший чудом уцелевшую Библию и медный крест; Марья, старшая повитуха, знавшая каждую женщину в общине и каждого ребёнка, рождённого после войны; Кузьма, бывший военный, потерявший на войне обоих сыновей и теперь носящий их фотографии во внутреннем кармане куртки; и Елена, молодая ещё женщина, которая вела учёт семян и припасов, бережно записывая каждую крупицу в потрёпанную тетрадь.

Они сидели над картой. Это был не обычный лист бумаги, а старый, пожелтевший план Генштаба, который дед Савва берег как зеницу ока. На нём были отмечены не только дороги и города, но и секретные объекты, о которых в мирное время не знали даже сами военные. Сейчас палец деда Саввы, сухой и узловатый, как корень старого дерева, указывал на точку в четырёхстах километрах к северу.

— «Ковчег-3», — произнёс он, и его голос, тихий и хриплый, заставил всех замолчать. — Секретный бункер глубокого залегания. Построен в шестидесятых на случай полномасштабной войны. По легенде, там была не только защита, но и центр управления... всем. Сетью спутников, системой очистки, чем-то ещё.

— Легенда, — фыркнул Кузьма, и его тяжёлая ладонь опустилась на стол. — Мы все слышали эти байки. «Ковчег»

было дюжина, и все они либо разрушены, либо завалены.

— Сигнал идёт оттуда, — возразила Елена, постукивая пальцем по карте. — Тени, этот туман — это не случайная аномалия. Кто-то или что-то их посылает, и карта показывает: источник здесь.

Отец Василий перекрестился, и медный крест на его груди тихо звякнул.

— Значит, там и гнездо зла. И его нужно уничтожить.

— Кем? — Кузьма хлопнул ладонью по столу так, что подпрыгнули карандаши. — У нас тридцать боеспособных мужчин, из них десять ранены. У нас патроны на исходе, продовольствия на две недели. Если мы пошлём экспедицию, мы ослабим оборону. А если придут ещё мертвецы — а они придут — мы не удержим стены.

— Если мы останемся, мы всё равно умрём, — тихо сказала Наталья. Все повернулись к ней. Она стояла в дверях, и в её глазах была та самая сталь, которую видели бойцы на стене. — Туман будет возвращаться. Каждый раз он будет забирать кого-то из наших. Сначала слабых, потом сильных. Это не атака, это осада. И мы её не выдержим.

Повисла тишина, такая густая, что слышно было, как за окном капает с крыши талая вода. Дед Савва медленно поднял голову.

— Что ты предлагаешь, Наталка?

— Экспедицию, — ответила она. — Небольшую. Двое, трое. Пройти к «Ковчегу-3», найти источник сигнала и уни-

чтожить его. Пока мы здесь, мы отвлекаем внимание. А они — те, кто пойдёт, — будут как игла, которая войдёт в самое сердце этой заразы.

— Кто пойдёт? — спросил Кузьма. — Ты?

— Я.

— Ты — женщина. Ты нужна здесь. Ты — наш живой щит. Без тебя бойцы сломаются.

— Без меня они сломаются через месяц, когда туман заберёт их разум, — возразила она. — Если я не пойду, через месяц некого будет защищать.

Отец Василий кивнул, и его седая борода тихо шелестнула.

— Она права. Мы не можем обороняться бесконечно. Нам нужно нанести удар.

Кузьма нахмурился, и глубокие морщины на его лбу стали ещё заметнее.

— Хорошо. Тебе одной не выжить в Пустоши. Нужен проводник. Кто-то, кто знает эти земли, кто выживал в аномалиях.

— Есть один, — медленно произнёс дед Савва. — Он... непростой.

— Кто?

— Игорь. Следопыт. Приблудился к нам месяца три назад после того, как его отряд разгромили мародёры. Молчит больше, чем говорит. Знает Пустошь, как свои пять пальцев. Говорят, он один прошёл через Мёртвую тайгу и вернулся.

— Почему он до сих пор здесь? — удивилась Елена. — Если он такой мастер, почему не ушёл дальше?

Дед Савва пожал плечами, и его старческие кости тихо хрустнули.

— Куда уходить? Мира больше нет. Он просто ждёт, когда его заберут. Ты, Наталка, сможешь его уговорить — он пойдёт.

Наталья кивнула.

— Где его найти?

— В кузнице. Он там чинит что-то с утра до ночи. Не любит людей.

Кузница была тёмным, закопчённым помещением в глубине заводского двора. Пахло железом, углём и машинным маслом, и этот запах, резкий и тяжёлый, казался запахом самой жизни, которая цеплялась за каждый клочок земли. В полумраке, у горна, сидел мужчина. Он был худ, высок, с длинными тёмными волосами, собранными в хвост, и лицом, которое, казалось, было высечено из камня — жёсткие скулы, тонкие губы, глаза, под которыми залегли глубокие тени. Он чистил какой-то механизм — старую, но ухоженную винтовку с оптическим прицелом, — и делал это с такой сосредоточенностью, словно от этого зависела его жизнь.

Наталья остановилась в дверях. Она видела его раньше, но никогда не говорила с ним. Он был как тень среди людей —

появлялся, когда нужно было починить что-то сложное, исчезал, когда начинались разговоры у костра. Говорили, что до войны он был инженером-конструктором, разрабатывал какие-то сложные системы для космической программы, однако теперь его руки, созданные для точных расчётов, знали лишь одно — как выжить.

— Игорь, — произнесла она.

Он не поднял головы.

— Чего надо?

— Мне нужен проводник.

Он наконец поднял глаза. Они были серыми, холодными, как зимнее небо над Пустошью. В них не было ни любопытства, ни сочувствия — только усталая, безнадёжная оценка.

— Не пойду.

— Почему?

— Потому что не верю в чудеса. И в тебя тоже не верю.

Наталья не обиделась. Она ожидала этого. Она шагнула внутрь и встала рядом с ним, чувствуя, как жар от горна обжигает ей лицо.

— Во что ты веришь?

Он усмехнулся — коротко, без веселья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.